

ПЕТЕРБУРГСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ЕГО ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

3–5 октября 2019 года на Филологическом факультете СПбГУ прошла Международная научная конференция «Петербургское университетское литературоведение: прошлое и настоящее», посвященная 200-летию кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, возникшей еще в 1816 году в составе Главного педагогического института, а в 1819 году вошедшей в состав возрожденного Петербургского университета. В конференции приняли участие исследователи, представляющие университеты и научные организации России и зарубежных стран.

Первое заседание было посвящено отдельным эпохам жизни кафедры и памяти работавших на ней сотрудников. Б. Ф. Егоров (Санкт-Петербург), опираясь на свои дневниковые записи, поделился воспоминаниями о работе на кафедре в 1960-е годы, охарактеризовал ее заведующих той поры (И. П. Еремин, В. Я. Пропп, В. Г. Базанов, Г. П. Макогоненко), нарисовал картину жизни кафедры, за редкими исключениями являвшейся дружным творческим коллективом.

Е. Н. Григорьева (Санкт-Петербург) представила только что вышедшую из печати книгу лекций профессора В. М. Марковича, основанную на расшифровке аудиозаписей разных лет. Закономерности литературного процесса, всегда бывшие в центре внимания историко-литературных и теоретических курсов Марковича, позволили публикаторам издать его лекции под названием «Русская литература Золотого века». В работе прослеживается сюжет становления, а затем и разрушения принципов, которые лежали в основе культуры этой эпохи.

Выступление М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург) было посвящено книге безвременно ушедшего из жизни талантливого ученого Е. И. Ляпушкиной «Введение в литературную герменевтику: Теория и практика» (2019). По мысли докладчицы, эта книга является одним из лучших образцов популяризации философского знания и в то же время исследованием, в задачу которого входит не изложение философских доктрин, а экспликация философских оснований герменевтики, выяснение исторической преемственности герменевтических теорий и практик, аналитическое описание взаимоотношения и взаимозависимости герме-

невтических направлений. Анализы произведений, вошедшие во вторую часть издания, демонстрируют возможности практической реализации герменевтических теорий.

А. О. Большев (Санкт-Петербург) рассказал о вкладе в науку профессора Л. Ф. Ершова, возглавлявшего кафедру советской литературы ЛГУ на последнем этапе ее существования. По мнению Большева, основные научные достижения Ершова были связаны со смелым и глубоким анализом романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (для разъяснения метаний Григория Мелехова Ершов предложил концепцию героя-максималиста, жаждущего истины и не находящего ее ни у белых, ни у красных), а также с исследованием творчества Л. Леонова, изощренные тексты которого он подверг основательной дешифровке.

Доклад С. Б. Адоньевой (Санкт-Петербург) «История повседневности в неопубликованных книгах Н. П. Колпаковой» был посвящен двум оставшимся неизданными рукописям этого автора — «Ветер с Севера» (отдельные фрагменты которой Колпакова позднее использовала в своих эссе) и «Мойка 108: История демидовских учебно-воспитательных заведений в Санкт-Петербурге. 1834–1919».

В выступлении И. Н. Сухих (Санкт-Петербург) «Литературовед как литератор: петербургский/ленинградский акцент» были прослежены взаимосвязи художественного и научного дискурсов. Наряду с обращением литературоведов к собственно художественному творчеству, как прозаическому, так и стихотворному, особый интерес представляет тип исследования, в котором выбор предмета основывается на «личном смысле» (Л. Я. Гинзбург). Образцом такого личного литературоведения является научная деятельность Б. М. Эйхенбаума.

Мемориальная тематика конференции была продолжена в следующие дни заседаниями, посвященными памяти профессоров кафедры Н. С. Демковой, И. В. Столяровой и Б. В. Аверина. В ходе первого из них М. В. Рождественская (Санкт-Петербург) в докладе «Н. С. Демкова как исследователь и педагог» выделила основные области интересов ученого — творчество протопопа Аввакума, а также памятники домонгольского периода, их история и поэтика. В изучении литературы средневековой Руси студентами и аспирантами важную

роль сыграл организованный Н. С. Демковой в 1964 году Семинар по древнерусской литературе и археографической практике его участников на Русском Севере. Результаты педагогической и исследовательской деятельности Н. С. Демковой позволяют говорить о ее особой «научной школе».

В докладе А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Наталья Сергеевна Демкова как археограф» речь шла о совершенных ею восьми археографических экспедициях. Первые из них относятся еще ко времени работы в Пушкинском Доме: в Гуслицы (1958) и в Солицы (1963). Но наиболее плодотворным в этом отношении оказался университетский период: Северная Двина, Пинега, Печора (1967–1974). Всего Н. С. Демкова и руководимые ею экспедиции пополнили собрания Древлехранилища Пушкинского Дома на 450 рукописей XV–XX веков. В ходе полевой работы Н. С. Демкова воспитала целую школу «рукописников», привила им вкус к изучению древнерусских и старообрядческих книг, заразила их своей страстью к поискам старинных манускриптов. Начиная с середины 1970-х годов Н. С. Демкова концентрируется не на полевой, а на камеральной археографии, обследуя в числе прочих рукописные собрания Германии и США. Любовь к древним книгам роднила Н. С. Демкову с хранителями рукописной традиции; эта любовь передавалась ее ученикам и дальше — ученикам учеников.

П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербург) в докладе «Н. К. Гудзий: облик ученого в историческом ретроспективе» остановился на трех основных проблемах, встающих в связи с обращением к наследию этого филолога. Во-первых, Гудзий являет собой пример резкого несовпадения общекультурной репутации ученого и реального объема сделанного им в науке. Во-вторых, хотя Гудзий был традиционалистом, а не новатором, его исследования сохранили актуальность до сих пор, представляя как фактографический, так и теоретико-методологический интерес, оказываясь в некоторых отношениях созвучными важным интенциям современного гуманитарного знания. В-третьих, судьба Гудзия дает материал для осмысления положения успешного и, одновременно, принципиального ученого-гуманитария в условиях 1930-х — начала 1950-х годов, границ его возможностей и неизбежных компромиссов.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) в докладе «Повторы и их функция в „Повести о разорении Рязани Батием“» анализировала художественную организацию памятника, поэтические достоинства которого позволяли исследователям соотносить его со «Словом о полку Игореве». Лексические повторы «прошивают» все фрагменты «Повести», образуют сочетания с другими повторами/формулами, включаются повествователем в композиционные рефрены, объединяя все эпизоды воедино. На материале лексического повтора слова «братия» была продемонстрирована его соотнесенность со сквозными темами произведения — мужества, смерти и плача.

Доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «Из комментария к Житию Феодосия Печерского и Киево-Печерскому патерику» был посвящен реконструкции дисциплинарного устава Киево-Печерского монастыря в ранний период его существования. Исследовательница оценила степень сохранности источников и меру их репрезентативности. Комментируя Житие Феодосия Печерского, она показала специфику Печерского монастыря на фоне других киевских обителей. Остановившись на обстоятельствах принятия монастырем Студийского устава, С. А. Семячко охарактеризовала его дисциплинарную часть и продемонстрировала пути выявления уставных текстов, сформировавшихся или бытовавших в монастыре и игравших роль своего рода «подзаконных актов» по отношению к Студийскому уставу. В докладе также было рассмотрено бытование фрагмента Послания Симона к Поликарпу, входящего в состав Киево-Печерского патерики в качестве уставного текста.

М. А. Федотова (Санкт-Петербург) в докладе «Первое собрание проповедей Димитрия Ростовского в контексте издательской практики его сочинений» рассмотрела два издания, существенно повлиявшие на эдиционную практику сочинений ростовского митрополита, — публикацию «Келейного летописца», осуществленную Н. Новиковым (1784), и «Собрание разных поучительных слов...» (1786). Первое издание ораторских сочинений Димитрия Ростовского было инициативой частного лица — Я. А. Татищева, который в 1782 году обратился в Синод с прошением издать их за собственный счет (РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 63. Д. 264). Как следует из дела, проповеди были отредактированы, основная правка касалась преимущественно нормализации церковнославянской орфографии, но первые редакторы и цензоры признавали авторство всех проповедей и сочинений, которые Татищев прислал в Синод. Критический анализ «Собрания...» показал, что из 94 проповедей, приписанных в нем Димитрию Ростовскому, две принадлежат Стефану Яворскому, пять — Симеону Полоцкому, атрибуция еще девяти требует дальнейшего изучения.

Завершили заседание выступления Б. Ломаджистро (Италия) о составе и происхождении Толковой Палеи и М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) об истории старообрядческой рукописной традиции на Вятке в XX веке.

В рамках научного заседания, посвященного памяти И. В. Столяровой, прозвучали выступления ее учеников и соратников по изучению творчества и биографии Н. С. Лескова. Е. В. Душечкина (Санкт-Петербург) осветила шестидесятилетний научный путь исследовательницы, которая, благодаря глубокой заинтересованности в литературной деятельности Лескова, доскональному знанию его текстов и пониманию его места в русской общественной и литературной жизни России середины XIX века, стала одним из крупнейших в мире специалистов-лесковедов.

С. И. Зенкевич (Санкт-Петербург) в докладе «Второй год службы Н. С. Лескова в Министерстве народного просвещения» обратилась к рецензиям писателя на книги для школ за 1875 год, зафиксированным в журналах заседаний Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения (РГИА). Основной акцент был сделан на педагогических взглядах Лескова и на ограничениях, накладывавшихся министерской службой и отразившихся в текстах его отзывов. Эти рецензии войдут в ныне готовящийся 14-й том Полного собрания сочинений Н. С. Лескова, «завещанного» И. В. Столяровой ученикам и последователям.

О. В. Евдокимова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Лесков и Флоренский: о смысле иконостаса», а Н. И. Озерова (Санкт-Петербург) назвала свое выступление «„На краю света“ Н. С. Лескова: деятельное добро в литературе и жизни».

К самому широкому кругу проблем обратились докладчики, посвятившие свои выступления памяти Б. В. Аверина. В докладе А. В. Лаврова (Санкт-Петербург) были обозначены основные вехи взаимоотношений видного экономиста и публициста, одного из лидеров конституционно-демократической партии П. Б. Струве, бывшего с 1907 года главным редактором ежемесячного литературного и общественно-политического журнала «Русская мысль», и В. Я. Брюсова, заведовавшего его литературно-критическим отделом в 1910–1912 годах. Характер деловых взаимоотношений с почти исчерпывающей полнотой отразился в их переписке, раскрывающей основные параметры совместной работы Брюсова и Струве, особенности их редакционной политики, а также обстоятельства, побудившие Брюсова отойти от участия в руководстве журналом.

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Сновидное озарение как форма творческого синтеза («Дневник мыслей» Алексея Ремизова)» была рассмотрена функция этого эго-документа как фиксатора «творческой лаборатории» писателя. Проведенный анализ выявил, что «Дневник мыслей» Ремизова представляет собой существенный источник для изучения «истории текста» произведений, созданных писателем с середины 1940-х годов до 1957 года. Содержащиеся в нем данные — особый вид подготовительных и черновых материалов к окончательным текстам (планы, наброски, конспекты планируемых или находящихся в работе повестей, легенд, произведений экспериментальных жанров).

Доклад Е. Р. Обатиной (Санкт-Петербург) «Ремизов в борьбе за „сон“» был построен на сюжете 1925–1926 годов, связанном с негативной рецензией эмигрантской критикой жанра «сна», который писатель считал неотъемлемой частью своей автобиографической прозы. Исследовательницей были использованы редкие архивные документы и малоизвестные печатные выступления Ремизова в парижской русскоязычной периодике.

Предметом рассмотрения в докладе А. Пашкевич (Польша) «Категория памяти в автобиографической прозе русской эмиграции» стали воспоминания А. Даманской «На экране моей памяти». Память присутствует в произведении в фотографической ипостаси (картины прошлого сравниваются в нем с кадрами фильма), а также как форма трансляции и актуализации культурных смыслов. По мнению докладчицы, воспоминания Даманской — активной участницы литературно-общественной жизни Русского Зарубежья — по своей хронологии и широте охвата событий сопоставимы с лучшими образцами эмигрантской мемуаристики.

В сообщении С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) «Научное наследие Д. Е. Максимова и русское литературоведение конца XX — начала XXI века» рассматривались идеи ученого о символизме, творчестве А. Блока, В. Брюсова и других поэтов. Отмечалось значение начинаний Максимова для развития текстологии, научного комментирования, издания собраний сочинений, изучения помет Блока на страницах книг из его личной библиотеки. Было показано, что некоторые положения исторической поэтики формулируются в современной науке на основе понятий, введенных Максимовым («поэтическая модальность», ее виды и подвижность).

В докладе «Солярный мотив в мифопоэтике романа В. Набокова „Дар“» О. А. Дмитриенко (Санкт-Петербург) проследила, каким образом происходит освоение и развитие символистской традиции осмысления солярной мифологии в мифопоэтике произведения писателя. Солярный мотив, связанный с мистикой Демиурга и обновлением мира, в финале романа Набоков использует для автометаописания.

Завершило заседание выступление М. Рубинс (Великобритания), посвященное гуманистическому коду русской культуры и литературе Русского Зарубежья.

Широкий круг проблем был затронут и участниками секционных заседаний конференции. Так, в докладе «Духовные оды И. А. Крылова: об авторской композиции цикла и изданиях XIX–XX веков» В. Л. Коровина (Москва) речь шла о восьми переложениях псалмов, которые И. А. Крылов поместил в начале рукописного сборника своих стихотворений, расположив их не по порядку нумерации в Псалтири, а в иной, диктуемой художественной логикой последовательности. Докладчик указал на беспрецедентность такого решения в русской псалмодической лирике XVIII века и отметил ряд формальных и содержательных моментов, позволяющих оценить оригинальность Крылова как автора духовных од и выяснить, в частности, религиозно-политический смысл, который открывается из рассмотрения их именно как единого цикла, оформленного поэтом в начале царствования Павла I.

В сообщении «Визуальные источники стихотворения Пушкина „Герой“» И. В. Немировский (Санкт-Петербург) рассмотрел в качестве

претекстов пушкинского произведения картины А.-Ж. Гро, известного как «художник Наполеона». Речь, прежде всего, шла о полотне «Наполеон возле чумных больных в Яффо» (1804). По мнению докладчика, вариативность в иконографии этого события как у самого Гро, так и у современных ему карикатуристов нашла отражение и в пушкинской концепции.

Пушкинская тема была продолжена докладом А. В. Ильичева (Санкт-Петербург) «Пушкин: тайна гения». Выступающий предпринял новую попытку осмыслить необычность пушкинского дара, рассмотрев лицейские художественные открытия поэта в перспективе его дальнейшего развития, обнаруживая, что ранняя творческая интуиция Пушкина во многом предопределила особенности его становления.

В докладе «„Метафизический язык“ как концепт у П. А. Вяземского и Б. Констана» Д. В. Токарев (Санкт-Петербург) предпринял попытку уточнить смысл этого понятия, которое возникает и у Констана, и у переведшего его роман «Адольф» Вяземского как продукт «диалектики ума и чувств». Язык, выражающий эту диалектику, будет метафизическим в той степени, в какой он сможет отразить ее слогом, который, обходясь без риторических излишеств минувшей эпохи, транслирует «истину». Таким образом, язык «современной» метафизики должен быть языком не поэтическим, а практическим, настроенным на коммуникацию, а не на выражение поэтических красот. Это язык политический, философский, военный и одновременно светский, нацеленный на решение прежде всего прагматических задач, язык формирующейся национальной и одновременно космополитичной элиты.

В выступлении А. А. Карпова (Санкт-Петербург) «„Турецкая цыганка“ А. Белкина (О. И. Сенковского): апроприация чужого текста» была рассмотрена одна из трех повестей писателя, подписанных псевдонимом Сенковского «А. Белкин», скандально соединившим фамилию пушкинского циклизатора с инициалом создателя этого образа. Недавно стало известно, что она представляет собой довольно точный перевод сочинения американского писателя Н. П. Уиллиса «Цыганка из Сардиса». Однако, русифицируя перевод, привнося в него автобиографические подробности, используя собственную репутацию востоковеда и переводчика, Сенковский заставляет читателя воспринимать текст как собственное оригинальное произведение мемуарного характера.

К проблемам изучения литературы первой половины XIX века обратились и другие участники конференции. В докладе М. Я. Вайскопфа (Израиль) «Проблема модального статуса в сочинениях Гоголя» рассматривалась глубинная философская проблема творчества писателя: текучесть и взаимообратимость бытия и небытия в его произведениях. Нулевая реальность мгновенно или посредством ступенчатых построений оборачивается потенциальной бесконечностью, и, наоборот, бесчисленный набор тех или иных реалий сжимается

в ничто. В антропологическом плане человек уравнивается с вещью именно потому, что оба они наделены душой, но душой лишь как минимальной жизненной субстанцией, лишенной духовного ядра и оттого тоже как бы небытийной, почти что нулевой. Ей противостоит дух, оставшийся достоянием самого художника и запечатленный им в сферах нуминозного или прекрасного бытия.

В выступлении Е. Т. Падериной (Москва) «Как и почему Гоголь в 1835 году пародировал жанр повести» была рассмотрена гоголевская «Коляска». Исследовательница продемонстрировала, что комическая стилизация расхожих литературных примет провинциальной глуши, нравов помещиков, привычек и развлечений провинциалов и расквартированных офицеров сочетается у Гоголя с фабульно-композиционными стереотипами, речевыми шаблонами повествователей-рассказчиков и т. д. При этом пародийный уровень литературной шутки Гоголя подчинен самостоятельному литературному сюжету по образцу пушкинского «Графа Нулина», а Чертокуцкий — воплощенная фикция — в своем роде Нулин.

По мнению автора доклада «„Странник“ А. Ф. Вельтмана: проблема жанра» М. В. Отрадина (Санкт-Петербург), суть этого произведения нельзя сводить к его пародийности. Пристального внимания заслуживает пограничная жанровая природа «Странника», соединяющего признаки романа и литературного путешествия. Вельтман строит сюжет, стремясь «освободиться от наскучивших повествовательных традиций» (З. Ефимова), по законам искусства, а не документального рассказа о реальных путешествиях. Опыт «Странника» оказался контрастен по отношению к эстетике и поэтике «физиологий», захвативших литературную авансцену в 1840-е годы. Именно поэтому некоторые приемы и мотивы Вельтмана оказались близки И. А. Гончарову в период создания книги «Фрегат „Паллада“».

Гончаровская тема конференции была подхвачена докладом «Писатель и чиновник» С. Н. Гуськова (Санкт-Петербург), предложившего новый взгляд на соотношение писательского пути и служебной карьеры автора «Обломова». Обычное в научной литературе противопоставление службы и творчества как взаимоисключающих жизненных стратегий биографией Гончарова не подтверждается. Две стороны единой личности Гончарова гармонично сосуществовали. Авторитет известного литератора способствовал карьерному росту, а служебный опыт формировал оригинальный писательский взгляд, доставлял материал для творчества, что отразилось в главных текстах Гончарова.

В выступлении Т. И. Печерской (Новосибирск) «Сочинительство как образ жизни: о литературном быте петербургских писателей-разночинцев середины XIX века» рассматривались особенности формирования репутации и роль в литературном процессе «второго призыва» писателей-разночинцев из круга «Со-

временника», а затем «Русского слова» начала 1860-х годов (Н. В. Успенский, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, Н. Г. Помяловский и др.).

Разнообразный и вместе с тем цельный характер носили выступления участников секции «Достоевский и другие». В докладе С. В. Савинкова (Воронеж) «Семиотика середины в повести Достоевского „Двойник“» был рассмотрен идейно-тематический план повести с учетом контекстуальных значений образа титулярного советника. Автор обратил внимание на то, что в рефлексиях Поприщина и Голядкина представление о ничтожности выстраивается на принципиально разных основаниях: у гоголевского героя — на принадлежности к аксиологическому низу социальной жизни, а у героя Достоевского — на принадлежности к середине. Неразличимость как условие и одновременно следствие ординарности при определенных условиях и становится, по Достоевскому, благодатной почвой для образования «наполеоновского» комплекса. Вызванное им желание не быть самим собой станет главной модальностью существования Голядкина, а вслед за ним и Раскольников.

В докладе «„Федра“ Ж. Расина в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“: Об источнике одной незамеченной цитаты» К. А. Баршт (Санкт-Петербург) выявил источник фразы «Позор преследует меня!», которую произносит в последние мгновения жизни генерал Иволгин. Исследователь предложил анализ аллюзивного плана этой реплики персонажа, а также доказательств версии, согласно которой она является переводом восклицания Федры из трагедии Расина. Достоевский хорошо знал и высоко ценил эту пьесу, а в январе 1861 года, вероятно, видел ее на сцене во время гастролей в Петербурге итальянской актрисы А. Ристори.

В выступлении В. М. Дмитриева (Санкт-Петербург) «Панорама Толстого и картина Достоевского: к истории одной параллели» был проанализирован частный случай, когда живописная аналогия становится источником рассуждения о поэтике. Вяч. Иванов в статье «Достоевский и роман-трагедия» (1911) и А. Жид в лекциях 1922 года демонстрируют различие между художественными манерами Толстого и Достоевского, используя одну аналогию: Толстой может быть уподоблен художнику-пленэристу, который рисует объемные панорамы, где свет рассеян, в то время как Достоевский — колористу-импрессионисту, в его картинах источник света один и распределение света порождает игру теней. В докладе была предпринята попытка ответить на вопросы, мог ли Андре Жид быть знаком со статьей Вяч. Иванова, какие историко-литературные источники могли послужить общим основанием для возникновения этой аналогии в текстах Иванова и Жид, какое методологическое значение имеет это сравнение в критической оптике двух авторов.

В докладе И. А. Кравчука (Санкт-Петербург) «„...Мы могли бы его судить“: к истории „борьбы за Достоевского“ в советском литературоведении» было показано, как имя «про-

блематичного» классика стало важной ставкой в борьбе различных интеллектуальных групп за право определять облик новой культуры в послереволюционную эпоху. Последовательно коснувшись работ В. Ф. Переверзева, А. С. Долинина, Г. Е. Горбачева, Л. П. Гроссмана, Н. Л. Бродского и др., докладчик рассмотрел разнообразные подходы к реабилитации Достоевского.

А. В. Кокорин (Санкт-Петербург) в докладе «К проблеме „Олеша и Достоевский“» поставил перед собой задачу ретроспективного соотнесения фактов биографии и творчества двух авторов, представил ряд наблюдений над черновыми рукописями произведений и дневниками Олеша, позволяющими считать, что писатель в течение жизни не только менял отношение к творчеству Достоевского, но и сознательно отталкивался от него, вырабатывая собственный стиль и избегая топов, возникших в новой советской литературе.

В докладе Н. А. Гуськова (Санкт-Петербург) «Литературные обитатели Шестилавочной / Надеждинской улицы: из комментариев к прозе XIX века» на примере нынешней улицы Маяковского в Петербурге был поставлен вопрос о литературной репутации различных мест города. До середины XIX века Шестилавочная / Надеждинская представляла собой захолустное предместье столицы, а затем, наоборот, престижный квартал, населенный дельцами, адвокатами, чиновниками — представителями эпохи великих реформ. Докладчик установил предполагаемый адрес проживания главного героя повести Ф. М. Достоевского «Двойник» (нынешний д. 44 или, вероятнее, д. 42).

В докладе О. Табачниковой (Великобритания) «Шестов и Чехов в зеркале английской литературы начала XX века» рассматривалось восприятие творчества А. П. Чехова в России и Великобритании в начале прошлого столетия, в особенности отголоски русского влияния в английской литературе. Основное внимание было уделено трактовке чеховского творчества Л. Шестовым, чья работа о Чехове «Творчество из ничего» (1904) вызвала споры и в России, и за рубежом. Проследив за резонансом, вызванным как идеями Шестова о Чехове, так и непосредственно чеховскими произведениями у Д. Г. Лоуренса, К. Мэнсфилд и Д. М. Марри, докладчица показала, что, несмотря на скептицизм Лоуренса по отношению к обоим — Шестову и Чехову, — с одной стороны, и на восхищение чеховским наследием четы Мэнсфилд-Марри, с другой, именно Лоуренс оказывается ближе по духу к литературному миру Чехова.

В докладе «Чехов и Флобер: проблема объективности» А. Д. Степанов (Санкт-Петербург) поставил вопрос о приоритете открытия особой формы персонального повествования, при котором передается только общая смысловая позиция героя безотносительно к его слову, которую отечественные ученые (прежде всего А. П. Чудаков) связывали с поздними чеховскими шедеврами. Анализ показывает, что

подобные формы систематически использовались уже в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» (с которым, впрочем, Чехов, судя по всему, не был знаком). Первенство во внедрении в описания излишне укрупненных подробностей также принадлежит Флоберу.

Участники конференции обращались и к теории литературы и текстологии. Так, в выступлении Н. А. Карпова (Санкт-Петербург) «Филология и мифология (к вопросу о методологии и границах гуманитарной науки)» были затронуты проблемы эпистемологии и методологии гуманитарного знания, его соотношение с мифом и мифологическими моделями сознания. Согласно гипотезе докладчика, литературоведение представляет собой гетерогенный, гибридный дискурс, причудливо сочетающий в себе элементы как собственно научного, так и мифологического мышления. Докладчик продемонстрировал разнообразные формы мифологизаторства в рамках филологической науки — такие, как тенденция к мифоориентированной авторефлексии и авторепрезентации, претензия на универсальность, преобладание эстетического мышления над рационально-логическим, наконец, мифологизация самого предмета литературоведения, т. е. писательских фигур и художественных текстов в плане их содержательной составляющей.

В докладе Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) «Новые подходы к изучению помет и маргиналий на книгах из личных библиотек писателей (источниковедческие аспекты)» на примере «фетовского фонда» в личной библиотеке А. А. Блока были продемонстрированы возможности герменевтического анализа идеографических знаков и развернутых текстуальных помет, а также выявлен их семантический потенциал. По мнению докладчицы, они могут рассматриваться как особая форма работы с текстом, требующая осмысления и включения в целостную картину понимания — и не только реконструируемого историко-литературного контекста, но и биографии поэта в ее творческой динамике.

Работу конференции завершили выступления, посвященные проблемам литературы конца XIX — начала XXI века. С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) в докладе «Псевдоним как интертекстуальный микротекст (случай Льва Шестова)» поставил под сомнение происхождение псевдонима философа, которое приводит в своих мемуарах А. З. Штейнберг. Поскольку псевдоним возник еще в 1897–1898 годах, то, скорее всего, он связан с увлечением творчеством Тургенева, о котором Шестов писал тогда книгу. Именем одной из главных героинь романа «Дым» Татьяны Шестовой он назвал свою дочь, родившуюся в 1897 году. Псевдоним «Лев Шестов» был рассмотрен как интертекстуальный микротекст аллюзионного характера, обладающий широким спектром символических значений.

В докладе Е. А. Тахо-Годи (Москва) «Драматургия русских символистов в интерпретации А. Ф. Лосева» была прослежена эволюция взглядов философа на символистскую драма-

тургию. Если в середине 1940-х годов А. Ф. Лосев рассматривал трагедию «Лаодамия» И. Анненского как декадентскую и потому уступающую чисто символистской трагедии «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба, то в середине 1970-х годов он уже видит в поэтике Анненского не декадентский, а символично-мифологический колоризм. Аналогично меняется его отношение и к использованию мифа о Дионисе: от критики Вяч. Иванова за уравнивание дионисийства с христианским преодолением смерти и разъясности мирового бытия к принятию идеи преодоления прометеевского титанизма через дионисийское всеединство как космогонической и диалектической картины мировой истории, оригинальной религиозной историософии.

М. Пантина (Франция) в докладе «Экспрессивная риторика в текстах Ж. де Местра, Н. А. Бердяева и М. Хайдеггера», отталкиваясь от дискуссии о политических убеждениях М. Хайдеггера в связи с публикацией его «Черных тетрадей», отражающих изменения мировоззрения философа с 1934 по 1974 год, сопоставила его идеи и способ их выражения с творчеством Ж. де Местра, также нередко оказывающегося в центре подобных споров. В свою очередь, Н. А. Бердяев, осмысливая события революции 1917 года в работе «Философия неравенства», называет де Местра своим учителем и разделяет многие его идеи. В докладе создана картография прочтения спорных для современного читателя произведений трех мыслителей.

Предметом рассмотрения в докладе Г. Н. Беляка (Санкт-Петербург) «„Подлежащее знает, а сказуемое позабыл“ (о стратегиях мифотворчества у Андрея Белого и Андрея Платонова)» были механизмы мифопорождения в романах «Петербург» и «Чевенгур». Докладчик опирался на герменевтические принципы Вяч. Иванова, прежде всего — на его определение мифа как «синтетического суждения, где подлежащему-символу придан глагольный предикат». Понятие предикации, лежащее в основе этого определения, было использовано для того, чтобы продемонстрировать диаметрально противоположную направленность мифотворческих усилий, предпринятых в двух произведениях.

Доклад Е. Д. Толстой (Израиль) «Проза Надежды Бромлей» был посвящен восстановлению литературной биографии Н. Н. Бромлей (1884–1966) — в 1930–1950-е годы маститого ленинградского театрального режиссера, литературное творчество которой было полностью забыто. Бромлей была в свое время близка к петербургскому кружку М. Матюшина и Е. Гуро, дебютировала «прогностическими» стихами и стихопрозой в 1911 году, а в 1917 году издала книгу новелл «Повесть о нечестивых». Пореволюционные годы Бромлей посвятила Первой Студии МХАТ в Москве, где играла, режиссировала и для которой написала три пьесы. Позднее вышли еще две ее прозаические книги «Исповедь неразумных» (1927) и «Потомок Гаргантюа» (1930).

Исследовательница находит в прозе Бромлей черты экспрессионизма. Разбирая рассказ «Из записок последнего бога», она также предполагает полемическое соревнование в нем с А. Франсом («Восстание ангелов») и заключает, что этот рассказ, где оккультные эпизоды перемежаются балаганными сценами и цирковыми фокусами, мог быть в числе претекстов «Мастера и Маргариты».

В докладе Д. К. Баранова (Великий Новгород) «Цикл С. Д. Довлатова „Чемодан“: рассказы не о предметах» было продемонстрировано, как резкие смены темы и большое количество отступлений «тормозят» развитие основной сюжетной линии цикла. Рассказываемые истории почти никогда не ведут к получению предмета, вынесенного в заглавие, что нарушает выстраивающуюся схему ожиданий читателя, который, однако, как раз благодаря усложненной «обманчивой» речи повествователя получает эстетическое удовольствие. Так на уровне организации повествования реализуется установка, определяющая и логику построения изображенного мира: какой бы абсурдной ни казалась жизнь, она сама собой наладится, даст человеку ровно то, что нужно.

В своем выступлении «Эволюция эволюционной фантастики во второй половине XX — начале XXI века» Л. Д. Бугаева (Санкт-Петербург) обратилась к теме евгеники в утопической и фантастической литературе, основные варианты которой были обозначены Г. Уэллсом в «Острове доктора Моро» и «Современной утопии». После «затишья», последовавшего за расцветом эволюционной фантастики в дореволюционный и ранний советский период, в 1960–1970-е годы происходит ее «второе рождение» (братья Стругацкие, А. Днепров, И. Варшавский, Р. Подольный и др.), а в конце XX — начале XXI века тема улучшения природы человека получает новый поворот (С. Лукьяненко, А. Столяров и др.): в фокусе внимания оказывается генетическая инженерия в эпоху становления «новой евгеники» — очередной попытки ускорить эволюционный процесс.

Помимо пленарных и секционных заседаний, в рамках конференции был проведен Круглый стол «Антропонимы в языке и культуре XVIII века». На нем были заслушаны сообщения: «Антропонимы в журнале „Вечера“» О. И. Балакерской (Санкт-Петербург), «Имя в художественном тексте классической эпохи (варианты семантических трансформаций)» П. Е. Бухаркина (Санкт-Петербург), «Имя в когнитивном, деривационном и диахроническом аспекте (на материале риторических трактатов XVIII века)» С. С. Волкова (Санкт-Петербург), «Проблемы статистического описания личных имен в поэзии А. П. Сумарокова» Н. А. Гуськова (Санкт-Петербург), «Антропонимы в грамматических текстах первой половины XVIII века» Н. В. Каревой (Санкт-Петербург), «Антропонимы и поэтика русской торжественной оды» Е. М. Матвеева (Санкт-Петербург), «От исторической личности к образу (на материале антропонимов у Г. Р. Державина)» М. В. Пономаревой (Санкт-Петербург), «Динамика притяжательных прилагательных (на материале сочинений по истории России)» Д. В. Руднева (Санкт-Петербург), «Герои Н. М. Карамзина: жизнь имени в произведении» А. Ю. Тираспольской (Санкт-Петербург), «Антропонимы в панегирическом творчестве Феофана Прокоповича» А. Е. Трофимова (Санкт-Петербург), «Имена легендарных исторических героев в произведениях М. В. Ломоносова: проблемы культурно-исторического комментирования» М. Г. Шарихиной (Санкт-Петербург).

Прошедшая конференция продемонстрировала продуктивность научных подходов, так или иначе связанных с традициями российского академического литературоведения, основы которых были заложены многими поколениями ученых, связанных с кафедрой русской литературы Петербургского университета.

© Е. Н. Григорьева,

© А. А. Карпов,

© Н. А. Карпов

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-269-272

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ СЕМИНАР «ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ И... (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ)»

7–8 ноября 2019 года на факультете Гуманитарных наук Латвийского университета в научно-исследовательском центре Русистики прошел очередной международный Балтийский семинар «Георгий Адамович и... (к проблеме изучения культуры русской диаспоры)». Семинар в Риге, в работе которого приняли участие специалисты из Латвии, Эстонии,

Литвы, России и Венгрии, вызвал интерес среди студентов, преподавателей вузов и гимназий, латвийской общественности.

В приветственном слове на открытии семинара декан факультета И. Карапетян отметила, что научные чтения проходят в год столетия Латвийского университета. Декан дала высокую оценку научно-исследовательским